

ТАЙЛЕР НОВАК

БЕЛАЯ ГОРА

НЕ СЧИТАЙ
ОГНИ

Tyler Nowak

Белая гора

«Автор»

2026

Nowak T.

Белая гора / Т. Nowak — «Автор», 2026

После поездки на озеро Шыбындыколь молодой исследователь попадает в опустевший горняцкий посёлок у Белой горы. Здесь среди следов советского комбината, старых штолен и древних оловянных выработок обнаруживается ряд рисунков, похожих то ли на технические указания, то ли на предупреждение. Малый огонь, лица, покрытые белой пылью, сбитые рты на камне и знак круга с тремя лучами внутрь постепенно складываются в историю, которую невозможно доказать и так же невозможно забыть. Это рассказ о месте, где геология старше памяти, а страх приходит не из темноты, а из точности найденных следов.

© Nowak T., 2026

© Автор, 2026

Tyler Nowak

Белая гора

I. Верхние Таинты

Я не собирался писать об этом. Более того, в первые две недели после возвращения я делал всё, чтобы не записать ни одной связной строки: отвечал на письма, разбирал фотографии, подписывал скучные акты, вытряхивал из рюкзака песок, отдавал чужие книги и возвращал штатив, взятый у знакомого фотографа. Я хотел, чтобы поездка к Верхним Таинтам осталась поездкой к озеру, с которой ничего нельзя было начать и ничего нельзя было вывести.

Но некоторые места не дают человеку роскоши забыть их. Они не приходят во сне целиком. Они не являются в виде картины или лица. Они возвращают себя мелочами: сухой белой пылью на манжете, звоном маленького камня в кармане, запахом мокрой хвои в комнате, где хвои быть не должно. Тогда память перестаёт быть внутренним делом человека и становится чем-то вроде вызова на допрос.

Мы поехали в субботу утром, в конце августа, когда лето уже теряет самоуверенность, но ещё не признаёт поражения. Дорога от Усть-Каменогорска была знакомой, почти праздничной. В машине сидели четверо: я, мой старый приятель Егор, преподаватель истории Мира Сатыбалдина и геолог Аян Серикович, человек сухой, худой, с глазами цвета промытого щебня. Егор вёл машину и всё время спорил с навигатором, Мира держала на коленях папку с распечатками, а Аян Серикович молчал так обстоятельно, будто и молчание у него было частью профессии.

Озеро Шыбындыколь, или Верхние Таинты, показалось сперва не озером, а шумом. Мы ожидали тишины, сосен, берёзовых полос у воды и того чистого горного воздуха, который в рекламных описаниях всегда пахнет чабрецом и полынью. Всё это было, но поверх него лежал воскресный человеческий слой: машины, коврики, складные стулья, детский визг, дым от мангалов, музыка из колонок, голоса, зовущие потерянные полотенца и детей. Казалось, берег занят весь, будто кто-то заранее разметил его невидимыми колышками.

Мы долго искали место, где можно было бы просто войти в воду, не наступив на чей-нибудь пакет, тапок или чужую половину арбуза. Егор ворчал, что ради такого можно было остаться у городского фонтана. Мира смеялась и говорила, что именно так выглядит настоящая археология современности: слой пластика, слой угля, слой одноразовых вилок, а ниже, может быть, что-нибудь серьёзное.

Вода у берега оказалась тёплой и прозрачной. На песчаном дне, между тенями ног, уходили мелкие рыбки. Дальше, где вода темнела, холод поднимался снизу сразу, не постепенно, как будто озеро имело две температуры и не считало нужным их смешивать. Я отплыл чуть дальше остальных, лёг на спину и увидел над собой скалистые вершины, сосны, светлое небо. За спиной кто-то смеялся, кто-то звал мальчика по имени Тимур, кто-то ругался из-за места под тентом.

Когда я вернулся на берег, Аян Серикович сидел в тени и перебирал камни, найденные у воды. Он не купался. На его ладони лежала тёмная тяжёлая крошка, похожая на обычный сор, но он смотрел на неё с вниманием человека, который знает, что у земли нет пустыков.

— Шлих, — сказал он, не поднимая головы. — Тут всё помнит воду. И огонь тоже.

Я тогда не придавал словам значения. Геологи, как мне казалось, часто говорили такими короткими фразами, в которых привычные вещи становились подозрительными. Камень у них не лежал, а выходил. Вода не текла, а работала. Гора не была горой, пока её не разрезали взглядом.

К вечеру, когда шум на берегу стал ниже и плотнее, к нам подошёл старик в старой кепке и с пластиковым ведром. Он искал место, где оставил рыболовную леску, и разговорился с Егором. Услышав, что мы собираемся к Белой горе, он посмотрел не на нас, а на Аяна Сериковича.

— К Белой-то? — спросил он. — Засветло смотрите. Там большой огонь не разводите.

Егор, конечно, оживился.

— Почему?

Старик пожал плечами. Он был из тех людей, которые охотно начинают рассказ, но не любят доводить его до конца.

— Так говорят. Малый можно. Большой не надо. От большого там звук неправильный.

— Какой звук? — спросила Мира.

— Да никакой, — сказал старик уже сердито, будто мы его в чём-то уличили. — Я ж не учёный. Мне отец говорил, а ему — его. Не хотите, разводите. Только потом не кричите.

Он нашёл свою леску в траве и ушёл вдоль берега, не оглядываясь. Мы посмеялись, но смех вышел не совсем удачным. Может быть, потому, что солнце в тот момент уже опустилось за сосны, и вода сразу стала чужой. Не страшной, нет. Просто чужой — как вещь, которой долго пользовался кто-то до нас.

II. Белогорский

На Белую гору мы выехали не рано. Егор хотел дожидаться, пока просохнет палатка; Мира купила на базе горячий чай в пластиковом стакане; Аян Серикович разговаривал по телефону так, будто давал показания. Он называл чьи-то фамилии, номера старых участков, годы разведки, потом раздражённо сказал: “Нет, не туристов веду. Смотрю, что осталось”.

Белогорский — или то, что на картах и в рассказах упрямо путалось с Асу-Булаком, комбинатом, жилым массивом, посёлком при месторождении, — встретил нас не тишиной, а пустотой, которая ещё помнила порядок. Я видел такие места прежде: они не разрушены окончательно, потому что разрушение требует труда. Они просто перестали быть нужными.

Дома стояли рядами, и в этих рядах было что-то школьное, дисциплинированное. Окна смотрели пусто, но не все: кое-где висели занавески, где-то за забором лаяла собака, на верёвке сушилось бельё. Это было хуже полного запустения. Город-призрак, в котором никто не живёт, быстро становится декорацией. Посёлок, где живут немногие, превращается в длительное объяснение, почему остальные ушли.

Аян Серикович показывал нам места без романтики. Вот здесь, говорил он, шли машины. Вот здесь была фабрика. Здесь общежитие. Там больничный корпус. Здесь, если верить старым людям, зимой очередь за хлебом стояла до угла. Здесь дети катались на санках, пока отцы работали на комбинате. Редкие металлы, тантал, олово, жилы, разведка, закрытие, отъезд специалистов — его рассказ звучал почти сухо, но именно сухость делала его убедительным. Не нужно было добавлять трагедии. Она была уже в том, что место когда-то имело расписание.

Мы вошли в бывший клуб. На стене ещё держалась выцветшая полоска краски, в углу лежали обломки стульев, а на сцене выросла трава. Мира остановилась посреди зала и сказала тихо:

— Вот это страшнее любой легенды.

Егор щёлкнул камерой.

— Потому что без монстров?

— Потому что без причины, которую можно ударить.

Аян Серикович усмехнулся.

— Причины были. Просто они не похожи на лицо.

Позднее, у старой дороги к выработкам, мы встретили Виктора Никитича. Он оказался не сторожем, не проводником и не тем удобным стариком из рассказов, который знает все тайны и ждёт приезжего, чтобы наконец их открыть. Он был бывшим механиком, жил неподалёку

и подрабатывал тем, что показывал заброшенные места редким приезжим. С нами он пошёл только потому, что знал Аяна Сериковича.

— Молодёжь, — сказал он, оглядев нас без удовольствия. — Вам бы озеро да шашлык. Чего в дырки лезть?

— Мы не полезем, — ответил Аян Серикович. — Осмотрим входы.

— Все так говорят.

У дороги Виктор Никитич показал место, где, по его словам, когда-то “чуть автобус не ушёл”. История была туманной: будто на спуске отказали тормоза, будто водитель успел положить машину боком, будто потом долго спорили, была ли это неисправность или перегруз. Он рассказывал уверенно, но на уточняющие вопросы отвечал уклончиво. Ни даты, ни фамилии, ни газетной заметки. Только поворот, осыпь и привычная человеческая потребность закрепить опасное место событием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.